

УДК 81'34

Гызылгюль Абдуллаева,
кандидат филологических наук, доцент
(Бакинский Государственный Университет)

ПАРАЛЛЕЛЬ Q X//Ğ//H В ЛИТЕРАТУРНОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

В статье обращено внимание на некоторые аспекты, имеющие место в фонетической структуре в литературном азербайджанском языке XVII века. Автор при анализе этих аспектов провел параллели в контексте фонологических изменений, предложил свои индивидуальные подходы. Выявлена историческая последовательность речевых звуков, которые заняли место в параллели q x//ğ//h в азербайджанском литературном языке XVII столетия.

Ключевые слова: азербайджанский язык, фонетика, фонологические изменения, классическая литература.

Постановка проблемы. Эта параллель указывает на то, что вариант q предлога, имеющий более древнюю историю, в дальнейшем поэтапно принял направление в сторону других вариантов и в конце этой эволюции, продлившейся до наших дней, вариант h смог нормироваться в языке именно благодаря влиянию общенародного языка. На первом этапе в языке проявилось фонологическое изменение q > x. На следующем историческом этапе звуковой переход x > h реализовался в языке. Значит вариант h в параллельности q // x // h является последним звеном и принимает норму ограничения в фонетической структуре азербайджанского литературного языка XVIII века.

Целью статьи является анализ аспектов, имеющих место в фонетической структуре в литературном азербайджанском языке XVII века, и изучение параллели q x//ğ//h.

Изложение основного материала. В целом вариант q предлога является самым древним вариантом. Его актуальность и сегодня наблюдается в литературном языке XVII века. Обилие собранных примеров подтверждают наши мысли:

Qaysı bağıuñ gülşanı – hüsnüñ kimi gülzari bar?

Qaysı gülzariuñ cəmaluñ tək güli – bixari bar? (азербайджанский поэт Масихи)

В других литературно-художественных материалах XVII века встречаются словарные языковые единицы как с количественной точки зрения, так и с точки зрения полноценности, которые служат опорой наших мыслей.

Vermiş olara nişat dövrən, Qılmış qamunu çü sübh xəndan (Масихи); Əkabirlər qamusi etdi bey`ət Vəzirü hən vəkil, ərkani – dövlət (азербайджанский поэт Фадаи); Qanlı yaş göz rövzənin dutdı varırkən kuyinə, Qanda varsam qanı dolmuş kişi tək qanı dutar (азербайджанский поэт Рахмату Паши); Mən aşıq didəm qanı, Yaxanı didəm qanı. Könlümü qəm çürütdü, Sinəmi didəm qanı (азербайджанский поэт Сары Аиуғ) и в других примерах этот языковой переход встречается в начале слова. В одной части примеров звуковой переход отражает в себе вопросительные местоимения "hansı (который)" (qaysı), "harada (где) (наречие – место)" (qanda), hanı (где – расположение) (qanı) вопросы, а на двух других примерах неопределенное местоимение "hamı – все" (qanı, qamusi) отражает в себе звуковой переход q>h. Отметим и то, что наша азербайджанская классическая литература до XVII века демонстрирует активность и с точки зрения отражения в себе слов, начинающихся на q:

Körək qaşan xəbər versə gərək?! Qanqısıdır, bilmədlər (азербайджанская летопись о Даде Коргуде); Qaşan kim ol zəxmli oldı, qaçdı, Neçə dağlar, neçə səhrələr aşdı (азербайджанское сказание – Ахмеди Харамии); Qaşan qonuşam ol mah ilə deyü, Əlumdə zicü üstürlab hər dəm (азербайджанский поэт Гази Бурханеддин); Rəhm edər şol gözlərin hər qanda bir üftadə var, Mən həqirəm, cümlədən miskin, ğərib (азербайджанский поэт Насими); Bir – birinə bağubayın ağdı yəsi, Qamusun əsəğə oldı başı (азербайджанский поэт Чули Фагих); Ey qamu xubların şəhi, lütfü inayət eyləgil, Dut əlimi ki, düşmüşəm əqrəbü mar içindəyəm (Насими); Qanı nəmi – çeşmi – əşkrizin, Qanı dəmi – sərdü gərmixizin? Qanı sitəmi bəlaya durmaq, Eşqə duruşub səfağa durmaq (азербайджанский поэт Физули) и др.

Как видно, это фонологическое изменение сопровождается активностью особенно в вопросительных местоимениях как в классическом литературном языке до XVII века, так и в литературном азербайджанском языке XVII века, и в этом звуковом переходе ведущую роль играет согласное [q]. Постепенный выход народности на передние позиции в XVII веке начинает усиливать направленность к [h]. И именно в результате этого, одинаковая словарная единица демонстрирует вариативность по отношению согласного, использующегося в начале слова:

Dedi, bəli, güman vardır bəhər hal,

Qanı xoşnud, şakər oldu xoşhal.

Ayağına hamusu düşdü bir – bir,

Dedilər bizdə yox cürmü təqsir (Фадаи).

В этих двух двустопных, дающихся в последовательности, налицо совместное использование вариантов [q] и [h]. Учитывая исключения в разговорном фольклорном языке, интересным моментом является то, что здесь нельзя увидеть ни параллели q, ни параллели x ([q] // [x]), а вариант [h] наоборот является ведущим в языке жанров народного стиха.

*Mən aşıq hara qaldı Aşığam əyri dağlar
Gəzmədim hara qaldı? Hanı yurd yeri, dağlar?,
Cəfa çəkdim yar sevdim, Yer vursun, su aparsın,
Könlümdə yara qaldı (Сары Ауыз) Yağ kimi əri, dağlar (Сары Ауыз).*

Это само собой разумеющийся факт. Потому, что вариант [h] является фактом общенародного языка. Если обратим внимание, то мы увидим, что в вариативности, отмечаемой в классическом языке эта параллельность остается в меньшинстве. Потому, что это диктует нам его частота использования, демонстрирующая его эпизодичность. Фольклорный же разговорный язык проявляет активность в этом вопросе:

*Mən aşıq gül məkanda,
Gül bitmiş gülməkanda.
Səni gördüm, mən güldüm,
Mən handa, gülmək handa? (Сары Ауыз)
Gözəlin qaşı qaradı
Bağının meyli haradı?
Bu dünya karvansaradı,
Hər gələn qonar, əylənməz (Ауыз Аббас).*

Но, это не означает, что ничто в других параллелях (q// х //ğ) не отражается в фольклорном разговорном языке. Нет, они встречаются, но редко существуют. Если можно так выразиться, в соотношении ста к одному (100:1). Так, что демонстрирующий такое соотношение вариант не может преодолеть вариант [h]. Живая разговорная речь сама отказывается от этого. А то, что используется, служит художественной цели. Например:

*Mən aşıq didəm qanı,
Yaxanı didəm qanı.
Könlümü qəm çürütdü
Sinəmi didəm qanı? (Сары Ауыз)*

По нашему мнению, имеющий место вариант *qanı*, является рифмической соразмерностью джинаса к слову "qan", принявшему винительный падеж в первой и второй строках:

qanı — قانی nəyi? // qanı? — قانی: hanı?

Если конкретизировать нашу мысль – это эффективность [q], которую позволяет и допускает художественная цель.

Звуковой переход q>x (q > x // ğ // h) является одним из замещений, привлекающих внимание. Это фонологическое изменение по своей активности не уступает вариативности q, расположившейся в параллельности и ему удастся найти свою среду распространения в фонетической структуре азербайджанского литературного языка XVII века:

*Хаçан: خاچان Ol kuyə, ya behiştə könül bağlamaq gərək,
Bir quş iki çəməndə xaçan aşıyan tutar (Говси).
Ханси: خانسی Arizin tək xansı bağın laleyi - sirabı var,
Lalə çoq, amma anun bir özgə abü tabı var (Рахмату Пауа).
Ханда: خاندا Ey könül, sən xanda, Məcnun xanda, bəri əbsəm ol,
Hər kim öz yerini bilsin, pəşşə-ənqalanmasun (Рахмату Пауа).*

И в словаре М. Кашгари мы видим использование вопросительных местоимений с начальной х. Конкрето говоря, например источник представляет нам существование вопросительного местоимения "harada" в форме "xanda" и у огузов, и у кыпчаков:

خندا ارد نك — Xanda ərdinq? (Harada idin – Где ты был?) [1: 208].

Иногда эти замещения необъективно представляются как звуковые переходы h>q, h>x. Полагаем, что здесь нельзя путать самый древний факт с общенародным вариантом, который в дальнейшем превратился в норму. Потому, языковой факт идет из истории. И поэтому факт нормы современного языка в любом случае не может выступать основным, единым и ведущим фактом для исторической эпохи. Правда литературный язык тоже является проявлением речи, возникшим на основе общенародного языка путем операции выбора и замещения. То есть литературный язык строится на общенародном языке. Но, нельзя основываясь на этом, представлять вариант h в этом четырехкратном фонологическом изменении как самый древний и главный компонент. Исторически существовала некоторая относительность, очередность в замещении звуков, о которых идет речь и которые являются составной частью этой четырехкратности. С этой точки зрения, и на языке наших мастеров слова, образовалось разнородность. Например:

На языке Насими начальное q в слове привлекает внимание своей ведущей ролью:

*Qaçan: قاچان Vüçudum padişahisən, könül verdim, səni sevdim,
Sənə könül verən aşıq qaçan can eyləyə təqsir (Насими).
Qanı: قانی Qanı bir əhdü peymanı bütün yar?
Qanı bir qövlü gerçək, doğru dildar? (Насими).*

А в языке Шах Исмаила Хатаи превосходство было у х:

Xani: خانى Ol çeşnidarizə çin xani durmin ? (Масихи).

Xamusi: خاموسى Varma yanımdan mənim, ey hicri-disuzani-dust,
Dust-düşmən xamusi ağlar mənimçün zar-zar (азербайджанский поэт Xamaу).

Xanda: خانداندا Bir pəri heyranıyəm, bilmən məkani xandadır?

Kimsə bilməz dünyadə namü nişani xandadır? (Xamaу).

Xancaru: خانجارو Ey həq əhli, sən sənin cismində beytüllahi gör,

Xancaru əzm eyləsən, lövhində ərşüllahi gör (Xamaу).

Onu da deyək ki, lüğəvi dil nümunəsi bu gün qərb ləhcəsində dialekt faktı kimi qeydə alınan ilk samiti olmaq etibarı ilə fonetik cildi ilə o tarixi izi yaşatmaqda davam edir. Отметим и то, что первое согласное [h], являясь первым примером согласного языковой словарной единицы *xancaru*, зафиксированной сегодня как факт диалекта в западном акценте, в фонетической форме *hancarı // həncəri* отображает тот исторический след:

Məmməd hancarı // həncəri adamdı? Nara veyə hancarı qoydun? (Маммед, куда девал ключи?) [2: 97].

В некоторых источниках можно встретить и другие фоноформы этой словарной языковой единицы. Примером этому может служить проявление в некоторых источниках его фонетических форм "kanjaru", а также "kancarı" [3: 173].

На языке М. Физули доминирует q:

Qandan: قانندان Kim saldı səni bu təng rahə,

Qandan düşdün bu damgahə? (Физули)

Qanğı: قانغى Qanğı sözə etiقادım olsun?

Sənə necə etimadım olsun ? (Физули)

А в языке Говси Тэбризи фиксируется троекратный параллелизм (q // x // h):

Xansı: خانان Bu sərzəminə xansı çəməndən səba yetər

Kim, nikhəti – dimağimə çox aşına yetər (Говсу).

Qaçan: قاچان Qaçan fürsət verir nazi-təğafül dərdi-hicranə

Bəli, əhya verən azdır və gər nə öldürən çoxdur (Говсу).

Hansı: هانسى Hansı gündür ki, təğafül bağrımı qan eyləməz

Ol ki vəsl eylər mənə, əğyarə hicran eyləməz (Говсу).

Как видно, языковые факты с лихвой демонстрируют, что вариант h, составляющий плотность по отношению к q//x//ğ входит также и в классической литературный язык. Этот вопрос рассматривают прочие представители XVII века:

Hanı: حانى Məni öldür ki, nöqsan oldu siraət,

Xudavənda, hanı şərti – mürüvvət? (Фадәу)

Hamu: حامو Məgər ol gün hamu əşrafü ə`yan,

Çıxıb gəştə olar eylərdi seyran (Фадәу).

Замена q>ğ также принимается как составная часть этого параллелизма в фонологической структуре азербайджанского литературного языка XVII века. Различие лишь в том, что по сравнению с другими, это не распространенный звуковой переход. То есть, на фоне звуковых переходов, представленных нами выше, эта звуковая замена находится вне функциональности. Наличие лишь одного примера на языке представителей этого временного отрезка является подтверждением нашей мысли. Это слово – лексическая единица *ğətu* – غمو :

Ansız yenə konlümdə ğətu gözdə nəmüm bar,

Ağamın olub məhv, əcəb halü dəmim bar (Эмани).

Ограничивающийся только языком Эмани, этот фонетический случай, на самом деле, регулируется в ряде редких замен. Поначалу, это не привлекло наше внимание в начале слова. Относительно по степени активности посередине слова, с этой точки зрения, различие демонстрирует диалект деревни Ширик Джебраильского района. Такая замена демонстрирует себя в следующих словах деревни Ширик: sağat, sapağat, intiğa<intiha, imtağan [4: 87]. А это на самом деле является фонологическим изменением в формах этих слов, входящих в живую речь. Например:

Ədəbi tələffüz forması. Форма литературного произношения: saat → [sa:t].

Одна из форм произношения живой речи: saat → [sahat].

И наконец, вышеуказанное нами направление формы произношения населения деревни Ширик: saat → [sa:t] → [sahat] → [sağat].

Все это показывает, что путь к нормированию варианта h, занявшего себе прочное место наряду с другими компонентами параллели (q // x // ğ) в начале слова, идущее к нормированию освобождается не сразу, а так постепенно и в итоге, этот равномерный ход помогает ему, доставляет его на пик вершины. Таким образом, хоть параллельность и продолжается и все еще сохраняется, то в другом полуэтапе пика вершины народности (q // x // ğ) варианту [h] удастся возвыситься до литературной нормы языка. Таким образом, достижение [h] уровня нормы в параллельности приходится на XVIII век. Потому, XVIII век стал вершиной процессов дифференциации, стабильности и народности, начавшихся с конца XVI начала XVII веков. XVIII век является составной частью нового периода национального языка – периода

народности. Именно по этим причинам, на фонетическом ярусе из-за того, что нормирование также представляло собой единую систему и на других ярусах языка в XVIII веке, рядом с XVIII веком пишется слово "пик вершины".

А выход варианта [h] на уровень нормы связывается с влиянием общенародного языка. Значит в отличие от других параллелей, [h] был функциональным в общенародном языке и эта функциональность сумела вывести из строя другие варианты. В итоге вариант [h], освободившись и отстранившись от своих древних вариантов, превращается в единственный функциональный вариант. А это завершается тем, что утверждается факт победы общенародного языка, что еще раз доказывает, что путь к народности начинался с XVII века. Хотя в фонетической системе азербайджанского языка [h] закрепился в анлауте и, войдя в нормирование, используется на уровне литературного языка, в следующих исторических периодах наблюдается повторное использование начального [q] (или [x]) в позиции [h]. Например: Rövşəndi *qatı* aləmə zatımda xudavənd Xəlq eyləməyib mı qədəri hiyləvü təzvir – (Касум Бек Закир). Однако из-за того, что они не смогли нормироваться, начальное [h] заново восстанавливается и укрепляется в своем месте. Сегодня распространение начального h не только в азербайджанском, но и в других тюркских языках, и его принятие в качестве нормы является реальностью. Но, в мире тюркологии существуют также и споры относительно существования согласного [h]. На основе этих споров есть мнения, связанные с тем, что звук [h] вошел в фонетическую систему тюркских языков позже. Впервые эту мысль озвучил Махмуд Кашгари. Он даже выдвинул гипотезу о том, что наряду с другими типическими арабскими буквами буква *h* (и разумеется выражающий его звук) не существовал в тюркских племенах. Позже в этой связи Кашгари пишет: "Правда, сову называют "ühi", но правильным вариантом является "üği", как оно и произносится по-кыпчакски. А слово "çaha", означающее "Çaxmaq" (затвор, огниво) на языке кэнджек. Этот язык не является чистым, например, глазную боль называют "əvəh", что оно тоже не является чистым, как уже было отмечено.

Кроме того, чтобы дать паузу в конец слов прибавляется буква *h*, как например, для того, чтобы позвать ястреба говорят "tah – tah", а жеребца "kürrih – kürrih". Но, в словах, используемых для того, чтобы объяснить что-то буква *h* отсутствует. На языке Хотэн такая буква существует, потому, что в этом языке чувствуется влияние индийских языков. Эта буква также есть в языке кэнджэк (кэңçэк), но и этот язык не является чисто тюркским языком [5: 59-60]. Э. Азизов, выражающий отношение к вопросу на основе реальных языковых фактов, а также на основе того, что в круг исследований М. Кашгари не входили некоторые тюркские племена (например, западные кыпчаки, уйгуры), не считает эту мысль приемлемой и защищает мысль о том, что в древних времен звук *h* существовал в фонетической структуре некоторых тюркских языков [6: 106]. Мы тоже поддерживаем эту мысль и считаем бесосновательной мысль о том, что звук *h*, имеющий горловое произношение, вошел в фонетическую систему тюркских языков под влиянием других языков.

Выводы. Мы видим реализацию замещения q>x в конце слова в азербайджанском литературном языке XVII века:

Mən aşıq boynu burux, Mən aşığam şan bağlar

Maralın boynu burux. Güllü pərişan bağlar.

Yüz il qarında durram Elə yuxıxdı konlüm,

Sərgərdan, boynuburux (Сары Ашуг) Arı gəlsə, şan bağlar (Сары Ашуг).

Функциональность заемещения в жанре народного стиха очевидна. И в самом деле, это фонологическое изменение реализуется внутри языковых фактов (buruq, boynuburuq, yuxıq), означающих признак и качество в фольклорно-разговорном языке XVII века. В действительности те лексические единицы адаптируются к орфоэпическим правилам современного времени и мы наблюдаем это в историческом этапе классической эпохи – XVII веке. И лексические единицы buruq → [burux], и boynuburuq → [boynuburux], а также yuxıq → [yuxıx] доказывают это своим живым речевым произношением. Значит, опять живая форма произношения проникает в письмо и последовательно берет верх над ним.

Место, где это замещение получает более широкую среду распространения и начинает обладать еще большей частотой использования, так это в южных акцентах: həx < haqq, rambıx < rambıq, çubıx < çubuq, qabıx < qabıq, səgıx < sarıq, quyğıx < quyğıq [7: 32]. В тэбризских диалектах азербайджанского языка это оглушение в конце слова считается одним из знаковых фонетических событий. Такие лексические единицы, как çapaх, qolçaх, başmaх, sumах, yamaх, çarıх, çardaх, alaçıх, tulux, əuaх, rısdıх, , qaçaх, dəgaх, bıçaх могут служить тому примером [8: 49]. В произведениях южно-азербайджанских поэтов можно встретить достаточно фактических языковых примеров, отражающих фонологическое изменение q > x:

Heydər baba, Quru gölün qazları, Gədiklərin sazax çalan sazları ...(азербайджанский поэт Шахрияр); Şeyxülislam səhman qalıb, qıvraxdı, Novruzəli qaçaq keçib, qoçaхdı; Çox şükürü var, yenə gəldux, görüşdux, İtənlərdən, bitənlərdən soruşdux, Kismüşdux, Allah qoysa, bərişdux ... (Шахрияр).

В шекинском диалекте звуковой переход q > x также считается одним из ведущих и специфических замещений. "Так, звуку q в конце слова в нашем литературном языке, в диалекте Шеки соответствует звук x. Напр.: balıx, alax, qatıx, qulax, qarandıx, qavax, fındıx, qavıx, donnux, çuvıx, yeylax, paraх, torax, başmaх, ataıx, otaх и т.д." [9: 44]. Если взять в целом, западные, северные и южные диалекты отличаются от других по превосходству согласного x в конце слова [4: 92].

Перспективы дальнейших исследований. Все вышеуказанное ясно отражает историческую последовательность речевых звуков, занявших место внутри параллели qх//ğ/h в азербайджанском литературном языке XVII века. А самое интересное это то, что эта последовательность играет роль гаранта выявления и представления самого древнего языкового факта. А направление развития, начиная с XVIII века ведет эту параллельность, существующую в азербайджанском литературном языке XVII века, к доминированию, стабилизации и поднятию согласного [h] до нормы литературного языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kaşğari M. Divanü lügat – it türk / M. Kaşğari. – Баку : Ozan, 2006. – Т. III. – 400 с.
2. Диалект и говор западной группы азербайджанского языка (на азербайджанском яз.). – Баку : "Эльм", 1967. – 281 с.
3. Энциклопедия "Kitabi-Dədə Qorqud" (на азербайджанском яз.). – Баку : Дом Новых изданий, 2000. – Т. I. – 99 с.
4. Ширалиев М. Основы азербайджанской диалектологии (на азербайджанском яз.) / М. Ширалиев. – Баку : Восток-Запад, 2008. – 416 с.
5. Kaşğari M. Divanü lügat – it türk / M. Kaşğari. – Баку : Ozan, 2006. – Т. I. – 752 с.
6. Азизов Е. Историческая диалектология азербайджанского языка (на азербайджанском яз.) / Е. Азизов. – Баку : Бакинский Государственный Университет, 1999. – 354 с.
7. Биннатова Г. Говоры азербайджанского языка Лерикского района (на азербайджанском яз.) / Г. Биннатова. – Баку : Nurlan, 2007. – 176 с.
8. Мамедов М. А. Тебризский диалект азербайджанского языка : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.06 "Тюркские языки" / М. А. Мамедов. – Баку, 1989. – 26 с.
9. Исламов М. Нухинский диалект азербайджанского языка (на азербайджанском яз.) / М. Исламов. – Баку : "Эльм", 1968. – 274 с.

REFERENCES (TRANSLATED & TRANSLITERATED)

1. Kaşğari M. Divanü lügat – it türk / M. Kaşğari. – Баку : Ozan, 2006. – Т. III. – 400 с.
2. Dialekt i govor zapadnoy gruppy azerbaydzhanskogo yazyka [Dialect and Speech of the Western Group of the Azerbaijani Language] (na azerbaydzhanskom yazyke). – Баку : "El'm", 1967. – 281 s.
3. Entsiklopediya "Kitabi-Dədə Qorqud" [Encyclopedia "Kitabi-Dədə Qorqud"] (na azerbaydzhanskom yazyke). – Баку : Dom Novykh izdaniy, 2000. – Т. I. – 99 s.
4. Shiraliev M. Osnovy azerbaydzhanskoy dialektologii [Bases of Azerbaijani Dialectology] (na azerbaydzhanskom yazyke) / M. Shiraliev. – Баку : Vostok-Zapad, 2008. – 416 s.
5. Kaşğari M. Divanü lügat – it türk / M. Kaşğari. – Баку : Ozan, 2006. – Т. I. – 752 s.
6. Azizov E. Istoricheskaya dialektologiya azerbaydzhanskogo yazyka [Historical Dialectology of the Azerbaijani Language] (na azerbaydzhanskom yazyke) / E. Azizov. – Баку : Bakinskiy Gosudarstvennyy Universitet, 1999. – 354 s.
7. Binnatova G. Govory azerbaydzhanskogo yazyka Lerikskogo rayona [Dialects of the Azerbaijani Language of the Leriksiy Region] (na azerbaydzhanskom yazyke) / G. Binnatova. – Баку : Nurlan, 2007. – 176 s.
8. Mamedov M. A. Tebrizskiy dialekt azerbaydzhanskogo yazyka [Tebrizian Dialect of the Azerbaijani Language] : avtoref. na soiskanie uch. stepeni kand. filol. nauk : spets. 10.062.06 "Turkskie yazyki" / M. A. Mamedov. – Баку, 1989. – 26 s.
9. Islamov M. Nukhinskiy dialekt azerbaydzhanskogo yazyka [Nukhinskiy Dialect of the Azerbaijani Language] (na azerbaydzhanskom yazyke) / M. Islamov. – Баку : "El'm", 1968. – 274 s.

Матеріал доставлен в редакцию 10.10. 2013 г.

Абдуллаева Гизилгюль. Паралель q x //ğ/h в літературній азербайджанській мові XVII століття.
У статті звернено увагу на деякі аспекти, які мають місце у фонетичній структурі в літературній азербайджанській мові XVII століття. Автор під час аналізу цих аспектів зробив паралелі у контексті фонологічних змін, запропонував свої власні індивідуальні підходи. Виявлено історичну послідовність мовленнєвих звуків, які зайняли місце в паралелі q x//ğ/h в азербайджанській літературній мові XVII століття.

Ключові слова: азербайджанська мова, фонетика, фонологічні зміни, класична література.

Abdullaeva Gizilgyul. Parallels q x //ğ/h in the Literary Azerbaijani Language of the XVII Century.

The article highlights some aspects in the phonetic structure of the literary Azerbaijani language of the XVII century. The author while analyzing these aspects has made parallels in the context of phonological changes, proposed individual approaches. The historical sequence of language sounds, which have taken place in the parallel q x//ğ/h in the Azerbaijani literary language of the XVII century, is traced.

Key words: Azerbaijani language, phonetics, phonology changes, classical literature.